

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1899.

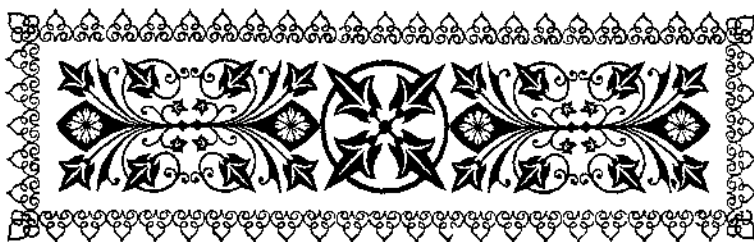
Отъ Совета С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 20 февраля 1899 года.

И. д. Ректора Академіи, профессоръ *Николай Покровский*

2005347199

Типографія А. И. Лопухина (Тельяжный пер., 3—5).

СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПІСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

БЕСѢДЫ НА ПСАЛМЫ.

НА ПСАЛОМЪ 131.

379

Помяни Господи Давида, и всю кротость его (ст. 1).

ВЪ ДРУГИХЪ мѣстахъ испрашивается спасеніе только ради памяти предковъ, а здѣсь говорится и о добродѣтеляхъ, о томъ, что служить источникомъ всѣхъ благъ,—о скромности, смиренномудріи, кротости, которою особенно отличался и Моисей. Онъ былъ, говоритъ Писаніе, *кротокъ зѣло паче всѣхъ мужей сущихъ на земли* (Чис. хп, 3). Но нѣкоторые изъ еретиковъ, осуждая его поведеніе и сказанныя слова, говорятъ: что говоришь ты? Ужели былъ самымъ кроткимъ тотъ, кто напалъ на египтянина и убилъ его, кто пролилъ столько крови іудеевъ и произвелъ между ними столько войнъ, кто позволилъ родственникамъ убивать родственниковъ, кто молитвою разверзъ землю, низвелъ огонь свыше и однихъ потопилъ, другихъ сжегъ? Если такой человекъ былъ кротокъ, то кто же гнѣвливъ и жестокъ? Перестань, не говори пустого. Я утверждаю и не перестану утверждать, что онъ былъ кротокъ и даже самый кроткій изъ всѣхъ людей, и, если хотите, то не другимъ чѣмъ-нибудь, а тѣмъ самымъ, что сказано противъ него, постараюсь доказать его кротость. При этомъ

можно было бы сказать о томъ, что говорилъ онъ предъ Богомъ о своей сестрѣ, о молитвѣ, какую вознесъ за народъ, о всѣхъ этихъ апостольскихъ и достойныхъ неба изреченіяхъ, о снисходительности, съ какою онъ бесѣдовалъ съ народомъ. Можно было бы и объ этомъ сказать и перечислить многое другое; но, если хотите, оставивъ это, мы изъ самыхъ тѣхъ словъ, которыя выше сказаны врагами, докажемъ, что онъ былъ самый кроткій человѣкъ,—изъ того самаго, на основаніи чего нѣкоторые называютъ его тяжелымъ, жестокимъ и гнѣвливымъ. Какимъ же образомъ мы докажемъ это? Если напередъ различимъ и опредѣлимъ, что такое кротость и что жестокость. Поражать еще не значить быть суровымъ, и шадить не значить быть кроткимъ; кротокъ тотъ, кто и можетъ переносить нанесенныя ему самому оскорбленія, и защищаетъ несправедливо обижаемыхъ и сильно возстаётъ противъ обижающихъ; напротивъ, кто не таковъ, тотъ безпеченъ, сонливъ, нисколько не лучше мертваго, а не кротокъ, не скромнѣнъ. Не обращать вниманія на обижаемыхъ, не соболѣзновать несправедливо страждущимъ, не гнѣваться на обижающихъ, — это не добродѣтель, а порокъ, не кротость, а безпечность. Такимъ образомъ, то и доказываетъ кротость его, что онъ былъ такъ горячъ, что тотчасъ устремлялся, когда видѣлъ другихъ обижаемыми, не могши удержать негодованія въ защиту справедливости; а когда самъ терпѣлъ зло, то не мстилъ, не нападалъ, но всегда оставался любомудрымъ. Если бы онъ былъ жестокъ и гнѣвливъ, то, воспламеняясь и разгораясь такъ за другихъ, онъ не оставался бы спокойнымъ за себя самого, но тогда гораздо болѣе предавался бы гнѣву. Вы знаете, что намъ гораздо тягостнѣе касающееся насъ самихъ, нежели другихъ. А онъ, когда другіе терпѣли зло, отражалъ обиду не менѣе самихъ страждущихъ; оскорбленія же, наносимыя ему самому, переносилъ съ великимъ терпѣніемъ, будучи высокъ въ томъ и другомъ случаѣ, выражая въ первомъ свою ненависть ко злу, а во второмъ—свое долготерпѣніе. И что, скажи мнѣ, ему слѣдовало дѣлать? Пренебречь наносимую обиду и зло, причиняемое народу? Но это свойственно было бы не вождю народа, не великодушному и незлобивому, а недѣятельному и безпечному. Ты не осуждаешь врача, который посредствомъ отсѣченія останавливаетъ гнѣніе, проникающее во все тѣло: почему же называешь жесточайшимъ человѣкомъ того, кто рѣшился сильнымъ ударомъ прекратить болѣзнь, гораздо опаснѣйшую гнѣнія, распространявшуюся по всему народу? Это свойственно неразумному судѣ. Начальнику такого множества людей, вождю народа столь жестокаго, грубаго и необузданнаго, слѣдовало въ самомъ началѣ остановить и предъ

дверью удержать зло, чтобы оно не простиралось далѣе. Но, скажешь, онъ сдѣлалъ, что земля поглотила Даана и Авирона? Что говоришь ты? Ужели нужно было оставить безъ вниманія поспраніе священства, нарушеніе законовъ Божіихъ, разрушеніе того, чѣмъ держится все, т. е. священнаго сана, сдѣлать недоступное доступнымъ для всѣхъ, и чрезъ слабость къ этимъ людямъ дозволить всѣмъ желающимъ попираť священную ограду и ниспровергнуть все? Но было бы дѣломъ вовсе не кротости, а безчеловѣчія и жестокости, оставить безъ вниманія распространеніе такого зла и, пощадивъ двѣсти человѣкъ, погубить столько тысячъ. Также, скажи мнѣ, когда онъ повелѣлъ убивать родичей, что надлежало ему дѣлать, если Богъ гнѣвался, нечестіе возрастало, и никого не было, кто могъ бы избавить ихъ отъ гнѣва? Допустить ли, чтобы ударъ небесный нисшелъ на всѣ колѣна и предаль совершенной гибели весь родъ, оставивъ безъ вниманія вмѣстѣ съ наказаніемъ и грѣхъ, который дѣлался неизлѣчимымъ,—или наказаніемъ и убіеніемъ немногихъ людей 381 уничтожить грѣхъ, удержать гнѣвъ и преклонить Бога на милость къ преступникамъ? Если такимъ образомъ будешь изслѣдовать дѣла праведника, то отсюда особенно и увидишь, что онъ былъ весьма кротокъ.

2. Впрочемъ, предоставивъ любознательнымъ дѣлать заключенія изъ вышесказаннаго, чтобы намъ предмета посторонняго не сдѣлать больше ближайшаго, возвратимся къ предложенному. Что же было предложено? *Помяни Господи Давида, и всю кротость его: яко клялся Господеву, общася Богу Иаковлю* (ст. 2). Предположивъ говорить о кротости Давида, и оставивъ дѣла его въ отношеніи къ Саулу, къ братьямъ, къ Ионаану, долготерпѣніе въ отношеніи къ войну, который осыпалъ его безчисленными порицаніями, и другія многочисленнѣйшія, псалмопѣвецъ обращаетъ рѣчь къ главному дѣлу, которое показывало особенно великую ревность. Почему же онъ поступаетъ такъ? По двумъ причинамъ; во-первыхъ, потому, что это преимущественно благоугодно Богу: *на кого воззрю, говорить Онъ, только на кроткаго и малчаливаго, и трепещущаго словесъ моихъ* (Ис. lxvi, 2); во-вторыхъ, потому, что тогда особенно нужнымъ дѣломъ было возобновленіе храма, построеніе города, возстановленіе древняго общественнаго устройства; потому онъ особенно къ этому и обращаетъ рѣчь; то, какъ извѣстное и признанное всѣми, оставляетъ, — всѣмъ извѣстна была кротость Давида, — а это, особенно нужное для его цѣли, выставляетъ на видъ. Дѣйствительно, что тогда желали видѣть іудеи? Возобновленіе храма и возстановленіе древняго богослуженія. А такъ какъ этимъ дѣломъ особенно славился Да-